

К.Г. Хачатурова

*4 курс, Высшая школа словесности,
европейских и восточных языков
науч. рук. доц. И.Б. Федотова*

Пушкинские мотивы в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история»

Имя Пушкина сопровождало Гончарова в течение всей его жизни. Пушкин для него – не только начало всех начал, но и главный критерий, мера всех вещей. О каких бы творческих вопросах ни заходила речь, Гончаров был склонен обращаться к авторитету Пушкина. Оттого почти в каждом гончаровском произведении, в каждой статье, письме можно встретить имя его любимого писателя.

В «Обыкновенной истории» разрабатывается одна из пушкинских тем – поэтому Пушкин весьма ощутим в романе. Вся духовная эволюция Адуева сопровождается ссылками на Пушкина и цитированием его стихов. Первая пушкинская цитата в тексте «Обыкновенной истории» – это цитата из стихотворения «К...» («Я помню чудное мгновенье...»); последняя, преобразованная, – из романа «Евгений Онегин»: «... Александр начал постигать поэзию серенького неба, сломанного забора, калитки, грязного пруда и трепака» [1: 100].

«Обрамляющие сюжет пушкинские цитаты как бы проецируют на роман два крайних полюса, равно присущих пушкинскому поэтическому миру, – возвышенно-идеальный и житейский». Как видим, расположение цитат в тексте не случайно: они образуют определенную систему и характеризуются кольцевой композицией. Композиционное распределение цитат отражает эволюцию характера главного героя в «романе воспитания».

Сами характеры главных героев «Обыкновенной истории»: восторженного романтика Александра Адуева и его дяди – «реалиста» Петра Ивановича Адуева, чей диалог-спор организует сюжет романа, – вызывают у читателя ассоциации с образами пушкинских персонажей: «Она (Лизавета Александровна) была свидетельницей двух страшных крайностей – в племяннике и муже. Один восторжен до сумасбродства, другой – ледян до ожесточения» [1: 210]. (Ср.: ... волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень. Не столь различны меж собой.) [1: 212].

Образ Петра Иваныча Адуева сближается с образом Евгения Онегина («охлажденный ум», «сердца жар угас») и одновременно сравнивается в тексте романа с пушкинским демоном: «Я иногда вижу в нем как будто пушкинского демона... Не верит он любви, и проч., говорит, что

счастья нет...» [2: 15]. «Гончаров сознательно проецирует ситуацию искушения на главные события «Обыкновенной истории»... Мифологическая подоплека романа разворачивается в целую картину типичного... искушения». В свою очередь, Александр Адуев прямо сравнивается с героем поэмы Пушкина «Медный всадник» – Евгением (это сравнение связано с сюжетной линией «провинциал в столице»), а при помощи цитат и реминисценций сближается с Ленским. Так, сюжетная линия «Александр – Наденька» отсылает к ситуациям романа «Евгений Онегин», а внутренний монолог Александра включает развернутую цитату из стихотворения Ленского: «Это недаром, недаром – твердил он сам с собою, тут что-то кроется! Но я узнаю, во что бы то ни стало, и тогда горе...

Не попущу, чтоб развратитель

Огнем и вздохов и похвал

Младое сердце искушал...» [2: 17].

Как и Ленский, Александр дремлет над недописанной элегией, причем в этом случае ярко выражена авторская ирония, в результате чего ситуация приобретает комически сниженный характер.

Ср.: «В третьей комнате за столом сидел Александр, положив руки на стол, а на руки голову, и тоже спал. Перед ним лежала бумага. Петр Иванович взглянул – стихи. Он взял бумагу и прочитал следующее:

Весны пора прекрасная минула,

Исчез навек волшебный миг любви,

она в груди могильным сном уснула

И пламенем не пробежит в крови!

На алтаре ее осиротелом

Давно другой кумир воздвигнул я,

Молюсь ему... но...

– И сам уснул! Молись, милый, не ленись! – сказал вслух Петр Иванович.

– Свои же стихи, да так уходили тебя!...» [2: 17].

(Ср.: На модном слове идеал тихонько Ленский задремал...) [2: 18].

«Темный и вялый» слог Ленского и эпигонов романтизма, певших «поблеклый жизни цвет, без малого в восемнадцать лет», воспринимается Александром Адуевым как авторитетное слово. Сюжет же романа Гончарова воссоздает один из возможных вариантов судьбы Ленского:

А может быть и то: поэта

Обыкновенный ждал удел.

Прошли бы юношества лета:

В нем пыл души бы охладел.

Во многом он бы изменился,

Расстался б с музами, женился... [2: 19].

Заглавие романа И.А. Гончарова, таким образом, также отсылает к пушкинской оценке и служит «модальной рамкой» текста.

Ситуации и образы романа Гончарова проецируются на художественный мир Пушкина. «Обыкновенная история» представляет собой межтекстовое пространство, в котором претексты Пушкина образуют определенную последовательность и выступают и как способ создания образов героев произведения, и как средство построения развернутых повествовательных или описательных контекстов.

Цитаты, включенные в текст, носят как явный, так и скрытый характер. Скрытые цитаты обычно подвергаются преобразованию. Так, в описании Юлии Тафаевой, «взявшей себе за образец Татьяну», отдельные компоненты пушкинских тропов заменяются, что, как правило, порождает ироническую экспрессию: «Она пристрастилась к своей любви, как пристращаются к опиуму, и жадно пила сердечную траву» [3: 26]. (Ср.: Ты негу жизни узнаешь, Ты пьешь волшебный яд желаний.) [3: 26].

В сцене сожжения повести Александра Адуева используются реминисцентные цитаты, сближающие этот фрагмент романа со стихотворением А.С. Пушкина «Сожженное письмо»: «Вот верхний лист зашел велился и поднялся, как будто невидимая рука перевертывала его; края его загнулись, он почернел, потом скоробился и вдруг вспыхнул; за ним быстро вспыхнул другой, третий, а там вдруг несколько поднялись и загорелись кучей, но следующая под ними страница еще белелась...» [3: 27].

Скрытые цитаты служат здесь источником образных средств, которые расширяются и развертываются в романе, в результате его ироническая экспрессия предшествующих эпизодов сменяется лирической: описание дается «крупным планом» и «останавливает» мгновение – мгновение прощания с творчеством, с «горячкой юных лет», – скрытые цитаты, таким образом, подчеркивают чистоту и искренность мечтаний героя, наивных, но порожденных «жаром» сердца.

Пушкинские цитаты представлены как в авторской речи, так и в речи персонажей, при этом они неравномерно распределены в тексте. По подсчетам исследователя Э.И. Денисовой, из 17 пушкинских цитат и реминисценций 11 включены в речь Александра, 3 – в речь Петра Адуева. Они последовательно используются в основных композиционных частях романа, но отсутствуют в эпилоге. Такое их распределение не случайно. В речи Александра пушкинские цитаты выполняют прежде всего характерологическую функцию: они подчеркивают его «мечтательную и аффективную сторону», «обычные порывы юности – к высокому, великому, изящному». В первых главах романа эти цитаты, как правило, не соответствуют ситуациям, о которых идет речь, что создает основу для выражения иронии в авторской речи или в речи дяди –

Петра Ивановича Адуева. В тексте используются три основных приема иронического снижения цитаты:

1) семантический контраст контактных реплик диалога, содержащих антонимическую лексику:

« – Я и прежде защищал порядочных людей. А ты давно ли стал бранить их, перестал называть ангелами?

– Пока не знал, а теперь... о люди, люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!» [1: 90];

2) развертывание цитаты в следующей реплике и включение в нее нового компонента, снижающего или обесмысливающего ее:

« – Это какая-то деревянная жизнь! – сказал в сильном волнении Александр, – прозябание, а не жизнь! прозябать без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви...

– И без волос! – прибавил дядя» [1: 170];

3) включение высказывания, содержащего цитату или реминисценцию с высоким стилистическим ореолом, в контрастирующей с ней бытовой контекст, в который входят единицы с разговорной стилистической окраской:

« – Э! да не отбил ли он у тебя твою красавицу, эту... как ее? да! он мастер на это: тебе трудно тягаться с ним. Повеса! повеса! – сказал Петр Иванович, положив в рот кусок индейки.

– Он дорого заплатит за свое мастерство! – сказал Александр, вспыхнув, – я не уступлю без спора... Смерть решит, кому из нас владеть Наденькой. Я истреблю этого пошлого волокиту! не жить ему, не наслаждаться похищенным сокровищем... Я сотру его с лица земли!..» [1: 50].

В дальнейшем же пушкинские цитаты и реминисценции выражают скорее лирическую экспрессию или совмещают два типа экспрессии, отражая взаимодействие точек зрения героя и автора. Они используются уже не как клише или сентенции, а последовательно соотносятся с изображаемыми ситуациями и описываемыми чувствами героя. Так, в финале V главы, в сцене прощания с Петербургом, внутренний монолог Александра Адуева завершается поэтической цитатой, обобщающей опыт жизни героя в столице:

*Прощай, прощай, город,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил* [1: 75].

Сочетание этой цитаты с тяжеловесными метафорами (великолепная гробница глубоких, сильных, нежных и теплых движений души) и пагетическими обращениями («К вам простираю объятия, широкие поля, к вам, благодатные веси и пажити моей родины: примите меня

в свое лоно, да оживу и воскресну душой!») отражает легкую иронию автора и порождает в результате взаимодействие лирической, иронической и риторической экспрессии.

В романе сталкиваются две концепции человека: человека-машины и «природного» человека и противопоставляются, как уже отмечалось, два сквозных образа жизни: жизни «деревянной» и жизни-горения. В этом диалоге-споре пушкинский «голос», звучащий в прямых и скрытых цитатах, иронически снижая «дикий» язык аффектированности и сентиментальности, одновременно утверждает необходимость искренних порывов духа и «жара» чувств. Гончаров обращается к своеобразному «нулевому» приему: в финале V главы упоминается стихотворение А.С. Пушкина «Возрождение», но приводится как вариант заглавия только его первая строка: «Тут он прочел стихотворение Пушкина: «Художник-варвар кистью сонной» и т.д., отер влажные глаза и спрятался в глубине кареты» [1: 190].

Отсутствие полного текста на композиционном стыке последних глав значимо, на необходимость обращения к нему читателя указывает и сигнал и т.д. Приведем текст стихотворения Пушкина, в котором развивается образная параллель «жизнь – картина гения, поправленная рукою варвара» (отметим также, что в стихотворении разворачивается и мотив воздействия одного «текста» на другой, столь существенный для построения романа Гончарова):

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.*

«Заблужденья» человеческой души в поэтическом тексте включаются в образный ряд: *рисунок беззаконный, краски чуждые, ветхая чешуя*. В слове тем самым актуализируются смыслы «отклонение от нормы», «внешнее, поверхностное», «наносное», которые противопоставляются смыслам «красота», «чистота», «первоначальность». «Нормой», таким образом, признаются порывы «первоначальных дней», входящие в замысел «гения». Пушкинский текст выполняет авторские оценки,

прямо не выраженные в тексте, и обнаруживает относительность истин, утверждаемых антагонистом героя (Адуевым-старшим).

В финале же романа торжествует «отклонение от нормы»: герой становится «действительным» человеком, погружаясь в пошлость. «Роман построен так, что развитие образа все время совершается при статистически неподвижном «контрапункте» другого образа... совершается до тех пор, пока цикл не окончится, то есть судьба племянника не совпадет – на новом уровне – с судьбой дяди». В эпилоге Петр и Александр Адуевы частично меняются ролями, при этом контраст речевых средств, характерный для предшествующих частей романа, сменяется повтором. Александр в финале повторяет слова и жесты дяди. Резко меняется и портрет героя: «Как он переменялся! Как пополнил, оплешивел, как стал румян! С каким достоинством он носит свое выпуклое брюшко и орден на шее!» [1: 200].

Из речи героя исчезает ключевое для нее ранее слово *душа*.

Отметим еще раз, что в эпилоге отсутствуют поэтические цитаты. Отказ от них – знак метаморфозы героя, его окончательное превращение в «деревянного» человека. Только реплика Лизаветы Александровны в диалоге: « – О чем вы вздохнули, ma tante? – спросил он. – О прежнем Александре, – отвечала она... » [2: 19] – вызывает в сознании читателя ассоциации с лирическим отступлением в VIII главе романа «Евгений Онегин»:

*Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья,
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой... [2: 19].*

Подчеркнем в заключение, что пушкинские тексты определяют особенности языка героев «Обыкновенной истории», цитаты из произведений поэта регулярно используются в их повседневном общении, сочетаются с высказываниями, которые носят подчеркнуто бытовой характер. Именно эти тексты прежде всего воплощают поэтическое начало в художественном мире романа, именно они выявляют разные грани романтического, «идеального» в характерах персонажей.

Таким образом, пушкинские мотивы в тексте романа «Обыкновенная история» выполняют ряд важных функций: они отражают эволюцию героя, служат средством образной характеристики, выявляют автобиографический и мифологический подтексты произведения, неявно

выражают авторские оценки, участвуют в диалогизации текста и способствуют «релятивизации художественной истины».

Библиографический список

1. Гончаров И.А. Обыкновенная история. М.: Художественная литература, 1968. 312 с.
2. Мельник В.И. «Всех нас учитель и образец». А.С. Пушкин в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова // Литература в школе. 2006. № 6. С. 15-19.
3. Денисова Э.И. Пушкинские цитаты и реминисценции в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова // Филологические науки. М., 1990. № 2. С. 26-36.